

АФИШИ, извещающие о концертах Сергея Юрского, заинтересовали и обрадовали многих. Сам по себе первый приезд в наш город этого известного актера театра и кино — значительное событие в культурной жизни Новосибирска. А программы его литературных концертов, в которые были включены произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского и Бабеля, Булгакова, Зощенко, Шукшина и Жванецкого, Бло-

вторяю, и глубокое творчество этого актера, похоронить его юмор, его актерскую природу.

Но здесь, признаемся, мы в растерянности. Как передать словами моментальные превращения Юрского из недалекого Солопия Черевича, героя «Сорочинской ярмарки», в его манерную дородную жену Хиврю, или в поповича, большого охотника до Хивриных галушек и ее дородности? А фантасмагория, обрушившаяся

де так же, как юмор и острота формы.

Особенной любовью и пониманием отмечена работа артиста над Пушкиным. В Новосибирске он читал шестую главу «Евгения Онегина» и «Домик в Коломне». С лирической открытостью звучат у Юрского слова поэта, наполняясь живым дыханием, болью или иронией. Он делает лирические отступления Пушкина размышлениями сегодняшними, не просто выходя с ними на авансцену, а словно врываясь в сегодняшний день. И как весело, озорно, точно играет он поэт в «Домике в Коломне», именно играет, а не только читает вступительные строфы. Вызов ложноклассической поэзии Юрский очень точно выражает одной лишь позой, типичной для героини «Домика в Коломне»: гордо вскинутая голова, длань — к небу, ножка отставлена... Когда артист принимает эту позу и произносит шутовскую мораль, брошенную Пушкиным в лицо его незримому, но вполне реальному противнику, зал раздражается искренним смехом. Юрский добивается этой непосредственной реакции, опять-таки делая слова поэта живыми, сегодняшними.

«Двенадцать» Блока — народ и революция. Юрский читает поэму очень неожиданно, многое переосмысливая по-своему. В чем-то его трактовка спорна. Однако даже при спорности каких-то трактовок самостоятельность и своеобразие поиска Юрского чрезвычайно ценны. Каким радостным и свежим стало, например, его открытие незаконченной сатирической повести в трех главах Достоевского «Крокодил». Она очень современна и по смыслу, и по стилистике — эта абсурдная история человека, проглоченного крокодилом, которая у Достоевского становится жуткой гримасой окружающего писателя мира.

На этом, пожалуй, можно закончить попытку рассказать о концертных программах Сергея Юрского. Программах, которые приобщили нас к напряженному поиску собственных решений, к духовной и интеллектуальной жизни Сергея Юрского, актера и человека.

Г. СТЕПАНОВА.

НАШИ ГОСТИ ЯРКО, ВЫРАЗИТЕЛЬНО

ка, Бернса, Пастернака и Твардовского, еще более привлекли внимание к выступлениям Юрского. Четыре дня прошли быстро — концерты завершены. Теперь у нас есть возможность делиться впечатлениями и размышлять...

То, что Юрский делает на эстраде, очень театрально по способу существования артиста на сцене и по ощущению им литературного материала. И очень серьезно. Серьезно отношение исполнителя к произведениям, которые он читает, к их отбору. В афише Юрского нет случайных авторов, нет и привычного эстрадного совмещения их по подобию. Он принципиально строит свои программы на контрастах — авторов, эпох, героев. Актера привлекает сочетание крайностей, экстремальные ситуации, психологически полярные типы и конфликты. Это соответствует его творческой индивидуальности и, очевидно, его постоянному внутреннему поиску, остроте восприятия им современного мира.

Юрский — не мастер полутон, все, что он делает, ярко, выразительно, сработано точными, крупными мазками. И зрительный зал он спокойным не оставляет. Эмоциональный настрой на его концертах предельно живой, активный, расторможенный, постоянно взрывающийся смехом. Поэтому нельзя и нам, оценивая очень серьезное, по-

на бедную голову Степы Лиходеева из «Мастера и Маргариты», которую описать мог только Булгаков и так виртуозно изображает Юрский? А грубоватый и неожиданно нежный герой В. Шукшина из рассказа «Сапожки»... Да, нам остается лишь констатировать то, что у актера заключено в его редкой внутренней подвижности, абсолютной органике и блеске профессионального мастерства. Точность, почти афористичность каждого жеста, неисчерпаемое многообразие мимики и голоса позволяют Юрскому из нескольких деталей на наших глазах создать живой портрет. И всегда этот портрет имеет не только точную внешнюю характеристику, но снабжен и острой, порой язвительной, порой добродушной оценкой его существа, его смысла, идущей от самого актера.

Во всех своих программах Юрский выражает самостоятельное, осознанное и глубоко личностное понимание литературы. Это делает его исполнение открытием, радостным, неожиданным и чрезвычайно интересным. И еще он чувствует слово, чувствует особую силу и образность письма каждого автора. Поэтому безошибочно передает поэзию Гоголя и печаль Бабеля, вырастающие за их юмором и их колоритными героями. Лирическая глубина и напряженность присущи работе Юрского на эстра-

30 МАЯ 1979

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ
г. НОВОСИБИРСК

225